

Мария Райнер

ДНЕВНИК УМЕРШЕЙ ДОЧЕРИ

Похоронив страдавшую болезнью Паркинсона мать, Эрика Нестерова, посредственная художница, осталась совсем одна.

Проводив нелюбимую родительницу в последний путь, Эрика не поехала с немногочисленными соседками в поминальное кафе, а отправилась в старую часть кладбища, густо заросшую шиповником, где много лет назад упокоилась ее единственная дочь Яна.

Муж Эрики, Валерий, покончивший с собой за три года до смерти Яны, был надежно вычеркнут из доброй памяти художницы, и она все еще не могла простить его, хотя, оставшись вдовой, замуж больше не вышла, да никого и не любила так сильно, как Валеру.

Закурив сигарету и не сводя глаз с гранитного портрета дочери, Эрика будто снова переживала тот кошмар, случившийся двадцать лет назад в ее семье. Светлая, чистая улыбка дочери до сих пор подкармливала ненависть безутешной матери.

Эрика опять вспоминала, как встретила Валерия впервые, на рекламных съемках моделей подростковой одежды, куда она, как амбициозная мать, привела созревшую Яну. Сосредоточенный молодой фотограф показался ей самым совершенным мужчиной на земле. Чтобы не оборвать мимолетное знакомство, Эрика выпросила у Валерия все снимки дочери, солгав, что хочет написать ее портрет, а дочь не усидчивая, и снимков достойных у нее нет.

Валерий не только согласился, но даже не переслал фото электронной почтой, а, приняв приглашение на чай неожиданной знакомой, пришел к ней домой собственной персоной и подарил флешку с фотографиями. Как же она была счастлива! Это могло означать только одно: она все-таки оказалась особенной, раз смогла привлечь внимание утомленного женской красотой фотографа. И ни один мужчина — ни до, ни после — не заставлял ее так измениться в лучшую сторону. Рассеянная, живущая одним днем, совершенно не хозяйственная Эрика, можно сказать, расцвела в

ливне его внимания, как расцветает пустыня, внезапно орошенная долгожданным дождем.

Валерий был младше Эрики на десять лет и быстро нашел общий язык с Яной. Они даже вместе смотрели глупый детский сериал «Тетрадь смерти» и ходили в кино.

Все шло так идеально, что Эрика, заземлившись, впервые в жизни начала украшать квартиру вышивками и модными шторами, научилась готовить и не лениться вставать по утрам в выходной, чтобы порадовать близких ей людей блинчиками. Господи, она даже купила соковыжималку, чтобы готовить апельсиновый сок из свежих фруктов.

А он не просто растоптал ее любовь, не просто надругался над ее заботой, он совершил самый гадкий, самый омерзительный поступок в мире. А ведь казался святым! И в постели у них все происходило божественно, а когда она забеременела и гинеколог в связи с угрозой выкидыша запретила ей половую жизнь, он мужественно терпел.

Да терпел недолго.

Пользуясь особым положением жены, совратил Яну. Такой добрый, такой внимательный, такой заботливый!

А в его ноутбуке нашли снимки обнаженной падчерицы.

Эти-то снимки и оказали ключевое давление на следствие, хотя Яна клялась, что он и пальцем ее не тронул, и что-то лепетала о любви. Только ей, малолетке, никто не поверил — Эрика, движимая мстью, уж постаралась, чтобы не поверили. Времена Шекспира давно прошли. Жаль только, предатель не искупил наказания сполна — вскрыл вены в следственном изоляторе. А она в таких красках живописала себе его опущение в зоне!

Какой же это был позор!

Несмотря на то, что Эрика рьяно кинулась обвинять насильника, ей долго напоминали, что она сама — жена бывшего педофила — ничуть не лучше. В подъезде стены украшались непристойными надписями, от нее отвернулись многие друзья — кто-то пустил слух, что она потворствовала болезненной страсти мужа к нимфеткам. Зато ее банальная живопись ненадолго стала невероятно популярной, особенно картина, изображающая мертвого юношу, которого охраняет ворона. Какой-то сетевой фигляр прозвал это полотно «Сон педофила».

Досталось и Яне. Ее откровенно презирали. Мало кто верил, что она оказалась невинной жертвой, ссылаясь на ее природную красоту и рано созревшие формы. Да, да, в обществе нашлись обыватели, которые, брызгая слюной, утверждали, что именно юная девушка заставила фонтанировать темную сторону воздерживающегося мужчины.

Яна, бывшая отличница, закончила школу с тройками и даже на выпускной не пошла. Блестяще поступила в институт культуры на факультет фото- и видеосъемки, у нее впервые появился парень, и вдруг как обухом по голове — наркотики. С трудом сдав первую сессию, подающая надежды студентка забросила учебу, ушла из дома. Эрика поначалу боролась. Отыскивала дочь в каких-то грязных притонах, даже пыталась устроить ее в лучшую клинику для наркозависимых, на своей странице ВКонтакте собрала пожертвования для лечения бывшей жертвы педофила, но это не помогло.

Второго ребенка Эрика так и не родила. Она сделала аборт и ни разу не пожалела.

Опять полпачки выкурила. Сколько лет прошло, а ненависть к Валерию не отпускает. И ничего не помогает: ни психолог, ни бабюшка, ни объятия других мужчин.

Возможно ли простить предателя?

Нет. Только не предателя. Никогда. Ни за что.

И все, что она будет продолжать делать, — это постоянно напоминать обществу, что талантливый и модный фотограф Валерий Молчанов оказался заурядным педофилом. Она будет мстить до последнего своего часа, будет поливать его грязью, пусть даже эта грязь образовалась в первую очередь в ответ на то, что он отвергнул ее чистую, жертвенную любовь, а не оттого, что он бесстыдно надругался над беззащитным ребенком.

С этими мыслями Эрика вернулась в пустую холодную квартиру. После чудовищного преступления мужа она уничтожила все вышивки, все купленные ею в процессе постройки семейного гнезда вазочки, чашечки, плосечки. В осиротевших комнатах осталось только самое необходимое.

Оглядывая спартанскую обстановку гостиной, Эрика думала о том, что наконец-то у нее появятся деньги от продажи материнной квартиры, чтобы немного отдохнуть от преподавания и пожить

в свое удовольствие. А пока не прошло полгода, квартиру можно сдавать.

На другой день Эрика поехала в квартиру матери, чтобы разобрать вещи, ценными там были богатая, но уже никому не нужная библиотека и многочисленные альбомы с черно-белыми фотографиями.

В ящичке стола Эрика обнаружила современный дневник с замочком, щедро украшенный единорогами. Неужели мать на старости лет совсем спятила? И какие у нее, обычной библиотекарши, могут быть тайны? Эрика чуть было не отбросила дневник в сторону, но какая-то невидимая рука заставила ее положить тетрадь с твердой корочкой в свою сумку.

Дома Эрика приняла ванну с расслабляющей солью, достала из холодильника бутылку водки и удобно расположилась на диване, собираясь насладиться материной исповедью.

Сломав дневниковый замок, она обнаружила на фронтисписе фотографию насильника и его жертвы. Они смотрели друг на друга с такой любовью, что лицо немолодой художницы исказилось новой болью. Значит, психолог была права: дочь, чтобы пережить надругательство, посыпала пирог воспоминаний стружкой «стокгольмского синдрома».

Она хотела было отбросить тетрадь в сторону, но опять невидимая рука заставила ее перевернуть страницу.

Эрика начала читать.

Сегодня был офигенно жаркий день. По дороге в школу я наблюдала, как толстый шмель кружился вокруг цветущей ветви таволги. Как жалко, что я не могу нарисовать эту картину, у меня нет способностей, как у мамы, но у меня есть телефон. Я так долго фотографировала полет, что опоздала на урок. И все равно шмель получился расплывчатой точкой. Я давно прошу у мамы купить мне настоящий цифровой фотоаппарат, но у нее всегда находятся отговорки. Обидно, что на водку и ментоловые сигареты она находит деньги, а на фотоаппарат нет. Когда я вырасту, ни за что не

закурю и никогда не выпью. А когда у меня родится дочка, я буду покупать ей все для ее развития.

• • •

Мама сказала, что я сама могу заработать на цифровик. Ура! Надо только сняться в рекламе подростковой одежды для местного журнала. Мама говорит, что она послала мое фото в агентство и именно меня отобрали! Здорово, что я красивая. Неужели у меня будет цифровик? По химии получила за самостоятельную двойку. Сама виновата, вместо того, чтобы вечером учить, снимала толкущиеся по грозовому небу облака, а потом предпочла созерцание ползущих по оконному стеклу капель дождя скучной химии. И зачем мне она? Какая мне разница, из каких элементов состоит дождевая вода? А вдруг это изменит мое к ней отношение? Это как полюбить человека, а потом вскрыть его и посмотреть, какого цвета у него печень. Антон всю литературу странно на меня смотрел. Неужели влюбился? У нас в классе все девчонки влюблены во взрослых мальчиков. Я тоже вру, что переписываюсь со взрослым мужчиной, иначе будут насмехаться.

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".